

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34.03

Т. А. БатроваРязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань,
e-mail: batrovataiana@yandex.ru**Е. А. Мотина**Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань,
e-mail: panda.a2011@yandex.ru**С. В. Булатецкий**Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань,
e-mail: dr_bsv@mail.ru**ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕДИЦИНСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Ключевые слова: экстремальные условия, нервно-психические перегрузки, ответственность, вина.

От человека все чаще требуется способность решать сложные задачи, искать и находить с минимальной затратой времени оптимальные варианты технических решений, правильно строить свое поведение в сложных ситуациях. В этих условиях особенно остро стоят вопросы ответственности человека за неправильно принятое решение и его последствия. Однако целый ряд из них, в первую очередь, касающихся квалификации причинения вреда в экстремальных условиях деятельности, не получил однозначного решения ни в теории, ни на практике. Ситуация осложняется тем, что данная проблема возникает на пересечение двух наук – медицины и юриспруденции.

В условиях, когда в медицинской науке не сформировалось единого подхода к пониманию экстремальных условий как фактора, определяющего поведение человека, нормативные документы нередко ограничиваются указанием на источник негативного воздействия, не устанавливая причинной связи с уровнем его интенсивности.

Возникает закономерный вопрос о возможности реализации универсального (межотраслевого) подхода к определению правового значения экстремальных условий деятельности. Как представляется, возможность для этого существует, хотя очевидно, что правовая оценка действий (бездействия) лица, оказавшегося в экстремальных условиях будет отличаться.

Авторами предлагается собственная трактовка экстремальных условий, на основании чего анализируются особенности их учета в гражданско-правовой и уголовно-правовой сфере.

Действующее законодательство нередко оперирует категориями психологии и психиатрии, что вполне закономерно, поскольку объектом правовой оценки зачастую выступает поведение человека. Здесь можно встретить понятия «осознание», «предвидение», «способность руководить своими действиями» и т. д., которые достаточно прочно вошли в юридическую науку. Особое значение оценка подобных состояний приобретает в экстремальных условиях, все чаще возникающих как побочный результат научно-технического прогресса.

При этом нельзя не отметить отсутствие единообразной трактовки данного

понятия. Одни авторы рассматривают их как «неблагоприятные для жизнедеятельности» [17, с. 64], другие – «как предельные крайние значения тех элементов ситуации, которые в средних своих значениях служат оптимальным рабочим фоном или, по крайней мере, не ощущаются как источники дискомфорта», третьи – как условия, требующие мобилизации обычных «буферных», а иногда и «аварийных» резервов организма [12, с. 12]. Во-вторых, далеко не все специалисты оперируют понятием «экстремальные условия». Достаточно часто говорят о ситуациях психической напряженности, «экстремальных ситуациях» либо о стрессе.

Нормативные документы иногда раскрывают их содержательную характеристику посредством указания на источник негативного воздействия, не устанавливая причинной связи с уровнем его интенсивности. Показательны в этом смысле Правила организации безопасного использования и содержания лифтов, подъемных платформ для инвалидов, пассажирских конвейеров (движущихся пешеходных дорожек) и эскалаторов, за исключением эскалаторов в метрополитенах, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 24.06.2017 № 743 (ред. от 20.03.2018) [4], которые в качестве экстремальных условий упоминают аварию, пожар, затопление, прекращение энергоснабжения, оставляя этот перечень открытым. Попытка реализации универсального подхода к определению экстремальных условий деятельности предпринята в ГОСТ Р 57958-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Условия труда инвалидов. Требования доступности и безопасности», утвержденный и введенный в действие Приказом Росстандарта от 17.11.2017 № 1776-ст [6], где таковыми признаны работа с риском для своей жизни и жизни других людей, с опасностью травматизма, контрольно-ревизионными и административно-хозяйственными обязанностями, пребывание у огня, воды, в горячих цехах, несение караульной, наблюдательной служб, управление транспортными средствами.

Однако подобный подход с медицинской точки зрения не выдерживает критики, поскольку не дает оснований для оценки фактической способности личности осознавать характер своих действий и руководить ими, что имеет уже правовое значение для решения вопроса о действительности совершаемых в таком состоянии сделок, возможности привлечения к ответственности и т. п.

Более корректно в этом смысле выглядят Правила по охране труда при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов (ПОТ РО 112-002-98), утвержденных Приказом Минтопэнерго РФ от 16.06.1998 № 208 [5], где экстремальными признаются явления, сопровождаемые предельными значениями (и значениями свыше их) температу-

ры наружного воздуха и скорости ветра, разрядами атмосферного электричества, ливнями и т. п. Но и подобная трактовка условий деятельности проблемы не решает, учитывая, что источником срывов в профессиональной деятельности нередко являются не предельные внешние воздействия, а напряжение, вызванное неблагоприятными условиями, являющимися неотъемлемыми характеристиками отдельных профессий. Не случайно некоторые специалисты предлагают классифицировать их с точки зрения напряженности труда, выделяя профессии, где напряженность есть постоянное состояние работника в течение всей вахты, где она закономерно и с полным предвидением работника возникает лишь в определенные моменты деятельности, наконец, те, где сложная ситуация, требующая полной мобилизации сил, всегда возникает внезапно [9, с. 19].

Подобный подход представляется особенно значимым для правовой оценки возможности предвидения, а, следовательно, предотвращения риска возникновения деструктивного поведения, вызванного воздействием экстремальных условий, что имеет принципиальное значение для решения вопроса об ответственности.

Как представляется, экстремальные условия можно определить, как аварийные и иные неожиданно возникающие нетипичные ситуации, временно изменяющие основной режим деятельности и требующие быстрого принятия и реализации решения (экстремальные ситуации), а также иные внешние воздействия на нервную систему, превышающие допустимые пределы и вследствие этого порождающие физиологические, эмоционально-волевые и иные изменения в структуре поведения личности (нервно-психические перегрузки).

Впрочем, проблема анализа деятельности в экстремальных условиях дискуссией вокруг использования терминологии не исчерпывается, ввиду сложной взаимосвязи внутренних и внешних факторов в регуляции поведения, неизбежно перерастающей в проблему определения его детерминанты. Вопрос о том, насколько свободен человек в выборе вариантов своего поведения поднимался

и в философии, и в психологии, и в юриспруденции, где эта проблема связывалась с определением оснований и пределов ответственности. При этом диапазон высказываемых мнений простирался от провозглашения абсолютной свободы действий личности до рассмотрения человека как жертвы обстоятельств, существенно ограничивающих выбор вариантов поведения. В частности, Г. Гегель усматривал основание уголовной ответственности в произволе человеческой воли, которая «может от всего абстрагироваться», формальной свободе, заключающейся в возможности «определять себя к тому или другому содержанию. Выбирать между тем или другим внешним для него определением» [8, с. 74, 79].

В конечном счете возобладала точка зрения, согласно которой поведение человека определяется сложным взаимодействием внутренних и внешних причин и условий, с той, однако, оговоркой, что «центр тяжести» может смещаться в ту или другую сторону. Уже Л. Фейербах отмечал, что «ни одно человеческое действие не случается с безусловностью, абсолютной необходимостью, ибо между чистой мыслью и действительным намерением, даже между решением и самим действием вне меня и во мне может появиться бесконечное количество опосредующих звеньев» [13, с. 352].

Многочисленные исследования подтвердили зависимость изменений деятельности и поведения человека от его личностных особенностей, в силу чего психологическое функционирование человека как фактор успешности его деятельности в сложных условиях стало объектом пристального внимания, интерес к которому неуклонно возрастает, что обусловлено статистикой ДТП, аварий, крушений и катастроф. На этой основе в стенах Межгосударственного авиационного комитета в процессе проведения исследований авиационных происшествий и оценке изменения психоэмоционального состояния членов экипажей при развитии авиационного происшествия сложилось новое направление исследований законов формирования поведения и деятельности человека в нормальных и экстремальных условиях

в его непосредственном взаимодействии с окружающей средой – «интегральная психофизиология» [14, с. 26].

При этом крайне редко затрагиваются правовые аспекты. Более того, следует признать, что рассматриваемая проблема зачастую теряется в правовом поле среди таких обстоятельств, как крайняя необходимость, психическое или физическое принуждение, исполнение приказа или распоряжения, обоснованный риск и т. п., что нередко порождает неправильную квалификацию деяния, а, следовательно, и ошибки в правоприменении.

Следует отметить, что попытки решить вопрос о пределах ответственности человека, взаимодействующего с техникой, предпринимались неоднократно. В частности, в уголовном праве предлагалось наряду с понятием вменяемости выделить понятие специальной (или профессиональной) вменяемости, применительно к особым профессиям и ситуациям нервно-психических перегрузок, создаваемых определенными условиями взаимодействия человека с техникой [10, с. 131; 18, с. 12–13; 20, с. 21]. Высказывались предложения рассматривать подобные ситуации как разновидность неосторожной формы вины, выделяя наряду с традиционными видами неосторожности волевою небрежность, когда субъект, оказавшийся в опасной ситуации, требующей принятия правильного решения для предотвращения общественно опасных последствий, не находит этого решения при наличии объективной и субъективной возможности найти правильное решение и не допустить наступления последствий [11, с. 152]. Кроме того, высказывалось мнение о возможности различать среди неосторожных преступлений личностные, совершенные под влиянием психологических особенностей личности, и ситуационные, явившиеся следствием нарушения общеизвестных либо специальных правил, а также правил эргономики [19, с. 118].

Однозначного решения этой проблемы нет и по сей день, несмотря на то, что ч. 2 ст. 28 УК РФ [1] акцентирует внимание на проблеме причинения вреда в силу несоответствия психофизиологических качеств личности

требованиям экстремальных условий деятельности. Впрочем, данная норма преимущественно является предметом критики ввиду неопределенности используемых формулировок. Высказывается мнение, что в ней скорее раскрыта ситуация непреодолимой силы (с указанием на экстремальные условия), нежели невинного причинения вреда [15, 16]. При этом не учитывается, что категория непреодолимой силы преимущественно имеет гражданско-правовое значение, применяется исключительно для решения вопроса о возможности освобождения лица от гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств и в этих целях включает в себя такие обстоятельства, как стихийные бедствия (землетрясение, наводнение, ураган), пожар, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, военные действия, террористические акты, диверсии, ограничения перевозок, запретительные меры государств, запрет торговых операций, в том числе с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций и другие, не зависящие от воли сторон обстоятельства [7].

В силу того возникает закономерный вопрос о возможности реализации универсального (межотраслевого) подхода к определению правового значения экстремальных условий деятельности. Как представляется, возможность для этого существует, хотя очевидно, что правовая оценка действий (бездействия) лица, оказавшегося в экстремальных условиях будет отличаться.

С точки зрения ГК РФ [2, 3], нахождение лица в состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими может служить основанием для оспаривания совершенной при этом сделки (ст. 177 ГК РФ), а также полного (если вред причинен имуществу) или частичного (если вред причинен жизни или здоровью) освобождения от гражданско-правовой ответственности (ст. 1078 ГК РФ). Однако оговаривается, что причинитель вреда не освобождается от ответственности, если сам привел себя в состояние, в котором не мог понимать значения своих действий или руководить ими, употреблением спиртных напитков, наркотиче-

ских средств или иным способом. При этом возникает вопрос о корректности существования открытого перечня способов приведения себя в подобное состояние, учитывая, что нарушение деятельности, вызванное нервно-психическими перегрузками, может быть спровоцировано внешними факторами.

В рамках уголовного законодательства применение положений ч. 2 ст. 28 УК РФ о причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам в силу несоответствия психофизиологических качеств личности требованиям экстремальных условий деятельности, должно опираться на представление о том, что оно возможно в трех случаях:

1) когда лицо знало о своих психофизиологических недостатках и пренебрегло возможной опасностью их проявления в профессиональной деятельности либо сознательно привело себя в опасное состояние. Соответственно в этом случае не может идти речи о невинном причинении и применении ч. 2 ст. 28 УК РФ, в которую стоит внести соответствующее положение;

2) когда лицо не знало о своих психофизиологических недостатках, и они не были выявлены в ходе профессионального психофизиологического отбора, что маловероятно, но возможно. Как представляется, при данных обстоятельствах вменять последствия в вину нельзя, но необходимо поставить вопрос о профессиональной непригодности данного лица, а также ответственности лиц, допустивших его к работе;

3) когда лицо, обладающее профессионально значимыми качествами, необходимыми и достаточными в обычных режимах деятельности, оказывается в обстоятельствах, вынуждающих его пренебречь установленными правилами безопасности движения и эксплуатации транспорта, а следовательно, возможностью создания обстановки, в которой оно окажется неспособным предотвратить наступление общественно опасных последствий в силу несоответствия его психофизиологических качеств требованиям экстремальной ситуации или нервно-психическим перегрузкам. В данном случае речь может идти как о невинном причинении вреда, так и о смягчающих наказание обстоятельствах.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
4. Правила организации безопасного использования и содержания лифтов, подъемных платформ для инвалидов, пассажирских конвейеров (движущихся пешеходных дорожек) и эскалаторов, за исключением эскалаторов в метрополитенах, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 24.06.2017 №743 (ред. от 20.03.2018) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.12.2018).
5. Правила по охране труда при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов (ПОТ РО 112-002-98), утвержденных Приказом Минтопэнерго РФ от 16.06.1998 №208 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.12.2018).
6. ГОСТ Р 57958-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Условия труда инвалидов. Требования доступности и безопасности», утвержденный и введенный в действие Приказом Росстандарта от 17.11.2017 №1776-ст.
7. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), утвержденному постановлением Правления ТПП РФ от 23.12.2015 №173-14 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС Консультант Плюс (дата обращения: 12.12.2018).
8. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
9. Гуревич К.М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. – М.: Наука, 1970. – 271 с.
10. Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – 177 с.
11. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
12. Ломов Б.Ф. Военная инженерная психология. – М.: Воениздат, 1970. – 397 с.
13. Фейербах Л. К свободе воли // Соч. в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Наука, 1995. – 502 с.
14. Клюев А.В. Психология авиационной аварийности // Гражданская авиация. – 2003. – №6. – С. 26.
15. Орешкина Т.Ю. Источники непреодолимой силы: уголовно-правовая характеристика // Судья. – 2017. – №8. – С. 37–40.
16. Теслицкий И. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию // Уголовное право. – 2008. – №3. – С. 51.
17. Шафранская К.Д. Фрустрация при переживании жизненных трудностей // Человек и общество. – Вып. IX. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – С. 64.
18. Зинченко Э.Н. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности горных работ: автореф. дис. ... канд. – Харьков, 1976. – 26 с.
19. Гриндорф А.П. Уголовно-правовая регламентация неосторожности с учетом особенностей личности // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права: сборник материалов научно-практической конференции. – М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1975. – С. 116–122.
20. Курляндский В.И. Некоторые вопросы ответственности в связи с научно-техническим прогрессом // Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права: сб. материалов научн.-практ. конф. – М., 1975. – С. 9–23.
21. Маришук В.Л. Об устойчивости психофизиологических функций человека в некоторых экстремальных условиях // Материалы III Всесоюзн. съезда общества психологов СССР. – т. III. – М., 1968. – С. 49–59.